
АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ПУБЛІЧНОГО ТА ПРИВАТНОГО ПРАВА УКРАЇНИ

Дрёмин В. Н., НУ "ОЮА"

СОЦИАЛЬНАЯ АНОМИЯ КАК КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

В статье рассматривается социальная аномия как криминологический феномен. Особую актуальность проблема аномии приобретает в "транзитивных" обществах, особенностью которых является трансформация экономических и политических систем. Распространение аномии является следствием утраты духовных ценностей и широкого распространения среди населения правового нигилизма. По степени воздействия на поведение людей социальная аномия проявляет себя как один из основных криминогенных факторов. Пресечение распространения асоциальных коллективных ценностей должно стать ведущим направлением в противодействии преступности.

The article deals with social anomie as a criminological phenomenon. The problem of anomie becomes particularly significant in "transitive" societies, which are known for their feature of economic and political systems' transformation. The extension of anomie is a consequence of the loss of spiritual values and a wide spread of legal nihilism within the population. By its behavioral impact the social anomie is being one of the major criminogenic factors. The suppression of anti-social collective values' outspread should be the leading trend in combating crime.

В последние годы возрос интерес криминологов к феномену социальной аномии. Считается, что понятие "аномия" возникло более двадцати веков назад. В древнегреческом понимании термин "anomos" означал "беззаконный", "неуправляемый". Он встречается

еще у Еврипида и Платона. В Новое время об аномии говорится в работах английского историка XIX века. У. Мэбейрда, французского философа и социолога Ж. М. Гюйо. В социологию понятие аномии ввел Э. Дюркгейм, позднее эту концепцию существенно развил Р. Мертон [1].

Известно, что Э. Дюркгейм обнаружил явление аномии при исследовании причин и сущности самоубийства. По мнению Э. Дюркгейма, социальные правила играют важную роль в регуляции жизни людей. Нормы управляют их поведением, и люди знают, что следует ожидать от других, а также, что другие ожидают от них. Их жизненный опыт более или менее соответствует ожиданиям, обусловленным социальными нормами. Однако, во время кризисов или радикальных социальных перемен, например в связи со спадом деловой активности и безудержной инфляцией, жизненный опыт людей перестает соответствовать идеалам, воплощенным в нормах общества. В результате нарушается общественный порядок и происходит дезориентация людей. Дюркгейм выявил, что во время неожиданных экономических спадов и подъемов уровень самоубийств, как правило, выше обычного. Он считал, что неожиданный упадок и процветание связаны с "нарушением коллективного порядка". Социальные нормы разрушаются, происходит дезориентация людей, все это способствует девиантному поведению [2].

Идеи Дюркгейма и Мертона об аномическом обществе легли в основу многих социальных теорий и признаны специалистами различных областей научного знания. В криминологии традиционно много внимания уделяется данной концепции, но особую актуальность она приобретает в период трансформации экономических и политических систем, социальных потрясений и революций.

Теория аномии была адаптирована учеными к различным социальным ситуациям. Особого внимания заслуживают работы американских криминологов С. Месснера и Р. Розенфельда, которые в 1994 г. опубликовали ставшую широко известной монографию "Преступность и американская мечта" [3], также статью "Преступность и американская мечта: институциональный анализ", в которых, основываясь на концепции аномии Мертона, изложили "теорию институциональной аномии" (ИАТ). В этих и последующих своих работах С. Месснер и Р. Розенфельд сосредоточились на взаимосвязях различных социальных институтов в обществе [4]. Они выдвинули гипотезу, согласно которой излишний

акцент на экономических целях, в совокупности с девальвацией неэкономических институтов в обществе, приводит к возрастанию уровня преступности.

Исходным положением институционально-аномической теории преступности является утверждение, что природа и уровень преступности в социальной системе отражают фундаментальные черты, признаки социальной организации данной системы, т. е. ее культуру и социальную структуру. Для функционирования социальной системы необходимо обеспечить определенную взаимосвязь и взаимозависимость культурных и институциональных палитр поведения. Однако в отдельно взятых социальных системах их полная интеграция едва ли достижима. Трения и конфликты между составными элементами культурной и социальных структур не только возможны, но и весьма вероятны. Такие нормальные противоречия социальной организации часто служат причиной для возникновения проблем, обычно воспринимаемых как аномальные, таких как девиантность и преступность. Высокий уровень преступности в США во многом обязан именно тем культурным противоречиям, которые становятся особенно острыми в результате фундаментального дисбаланса институциональной структуры американского общества. Для того, чтобы объяснить эти криминогенные культурные противоречия, Р. Розенфельд и С. Месснер обращаются к классическому описанию Мертоня того преобладающего духа успеха, которое часто называют "американской мечтой" [5].

Аномические тенденции, к которым обращался Мертон в его характеристике американской культуры, авторы рассматривают как нормальные признаки любого капиталистического общества. Логика капитализма предполагает, что социальные акторы являются наиболее чувствительными к материальному поощрению и стремятся рационализировать свой путь в конкурентной гонке за денежными вознаграждениями. Другими словами, капиталистическая модель производства, по своей природе, имеет тенденцию к поощрению сильного интереса к денежному обогащению. Отличительной чертой американского общества, таким образом, является не то, что аномические тенденции встроены в его экономическую систему, а то, что они могут развиваться до такой экстраординарной степени. Причиной этого является, по мнению авторов и сторонников институциональной теории аномии, тот факт, что те элементы культуры, которые в принципе могли бы противостоять

аномическому давлению "американской мечты", обессилены из-за отсутствия надлежащей институциональной основы. Этот недостаток возник из-за характера взаимоотношений между институтами, то есть институционального баланса. Американская культура продвигает и утверждает институциональную структуру, в которой экономика доминирует над институтами, которые могли бы смягчать преувеличенный акцент на цели достижения материального обогащения и культивировать уважение к нормативным ограничениям [6].

С. Месснер и Р. Розенфельд утверждают, что все институты общества затронуты структурными и культурными несоответствиями и между экономическими и другими сферами общества. Институциональная аномия возникает, когда экономическая сфера стоит над другими социальными институтами, а экономические модели поведения и культуры, и ценности рынков доминируют над другими спектрами жизни общества, "пропитывая" принципами рыночной экономики функции других социальных институтов, увеличивая чувство несправедливости и порождая правовой цинизм.

Такой дисбаланс американской институциональной структуры неизбежно приводит к росту преступности по двум причинам. С одной стороны, он стимулирует аномические тенденции, присущие капитализму, таким образом, ослабляя возможности культурного противодействия преступности; с другой – экономическая доминанта обесценивает институциональный контроль над членами общества. В доказательство правильности своих выводов С. Месснер и Р. Розенфельд привели несколько примеров. Прежде всего, они указали на девальвацию образования в американском обществе. Сегодня образование расценивается как средство получения профессионального и денежно-кредитного успеха. Образование ради самого себя обесценилось. Обесценились также семья и родительские обязанности. Люди, ответственные за исполнение этих обязанностей, главным образом женщины, получают низкий статус в американском обществе. Либеральная криминологическая концепция предполагает, что криминогенное давление более ощутимо в отношении тех лих, которые "выдернуты" из "американской мечты", хотя есть основания думать, что преступность растет в среде тех, кто "замкнут" в ней [7].

Теория институциональной аномии, едва появившись, вызвала большой интерес, что позволило ее авторам говорить об

"институционализации" криминологической теории [8]. Несмотря на это, С. Месснер и Р. Розенфельд с сожалением констатировали "высокий уровень абстракции" своей концепции, ее фундаментальные положения были подвергнуты глубокому эмпирическому исследованию [9].

Популярность этой теории подтверждена многочисленными работами ее последователей. Многие авторы предпринимают попытки применить рассматриваемый подход к анализу криминальной ситуации в постсоветских странах [10].

По мнению И. А. Коха, массовая anomia в постсоветских странах имеет существенную специфику. Политические и социально-экономические реформы сопровождались сменой ценностных ориентаций и радикальным изменением законодательства. Сосуществование прошлой нормативно-ценностной системы и нарождающейся (новой) сопровождалось конфликтами, моральными коллизиями, дезорганизованностью в обществе. Здесь можно обнаружить все признаки глубокой социальной anomии [11]. "Проблемы социальной anomии и девиантного поведения приобретают большое значение в условиях социально-политических и экономических реформ, – замечает И. А. Кох. – Негативные социальные последствия реформ оказались более глубокими и непредсказуемыми, чем ожидалось. Как известно, поведение индивидов в обществе напрямую связано с политическими и экономическими процессами, происходящими внутри страны. Нестабильное поведение в стране влечет за собой, как правило, рост негативных явлений: бродяжничества, преступности, алкоголизма и т. п. Отсюда внутренняя предрасположенность индивидов в обществе к действиям, которые можно охарактеризовать как отклоняющее поведение. Разрушены многие духовные и культурные ценности" [12].

Anomia в относительно благополучном, "страдающем" от "американской мечты" обществе, и в кризисном социуме, утратившем свою мечту и не обретшем новую, различаются. Стремление к денежному обогащению как всеобъемлющей культурной цели противоречит ценностным ориентациям многих поколений "советских людей". Разрушение нормативных, ценностных и смысловых структур создает почву для массовой криминализации. Истоки ее, полагает Б. Ерасов, лежат в событиях более чем восьмидесятилетней давности – "социалистической революции". Революции часто ведут к anomии – вакууму ценностей и норм. Революция в Российской

империи сопровождалась широкомасштабными беспорядками, разрушением предшествующей высокой культуры, разгулом анархии и преступности, которая могла быть подавлена только суровыми государственными репрессиями. Расширение сферы государственного принуждения стало обычным методом наведения формального порядка в советской системе, что неизбежно приводило к криминализации значительной части населения и порочному кругу "преступность – репрессии – криминализация" [13].

"Индивиды, сцепленные друг с другом и удерживаемые в связанности, помимо прочего, и элементарным страхом, внутренне были готовы к крайней индивидуализации социальной жизни", – пишет В. В. Кривошеев. Ныне общество все больше воспринимается людьми как поле битвы за сугубо личные интересы. При этом оказались деформированными пусть порой и непрочные механизмы сопряжения интересов разного уровня. Переход к такому атомизированному обществу и определил своеобразие его аномии. Вероятно, нечто подобное переживают и другие страны, входившие прежде в социалистическую систему, хотя они и много позже вступили в свое время на путь масштабного утверждения коллективистских начал социальной жизни [14].

Идеологический вакуум неизбежно приводит к аномии – дезинтеграции нравственных ценностей, смешению ценностных ориентаций, наступлению ценностного вакуума по принципу "все дозволено". Отсюда – неуважение к закону, обвальное распространение преступности и жестокости, рост числа самоубийств, господство группового эгоизма и равнодушия, нарушение преемственности между поколениями [15].

В. В. Кривошеев обращает внимание на то, что в классических теоретических построениях аномия, мыслимая и как нарушение моральной регуляции в силу изобилия противоречивых социальных норм, и как расплывчатость, условность, относительность оценок асоциальных актов, и как несоответствие провозглашаемых социумом целей поведенческим установкам людей, предстает в качестве такого феномена, который сопутствует обществу на различных стадиях его развития. Применительно к современному состоянию дисфункциональные, дезинтеграционные процессы, находясь в центре внимания исследователей, получают отражение на основе сравнительно нового категориального аппарата. Речь, в частности, идет о развитии концепции социальной травмы, позволяющей рассмотреть и описать многие негативные процессы

в социуме, находящемся на этапе рыночной трансформации при углублении демократических преобразований. Во всех своих проявлениях anomia все чаще оценивается как неизбежное следствие усложнения социальной структуры, всей совокупности отношений и взаимодействий в ходе самодвижения социума к неким новым состояниям в условиях небывалых прежде коммуникационных возможностей, утилитарного подхода к моральным и правовым ценностям [16].

"Криминализация общества – это такая форма anomia, когда стирается сама возможность различения социально позитивного и негативного поведения, действия. Преступный социальный мир уже не находится на социальной обочине, он – на авансцене общественной жизни, оказывает существенное воздействие на все ее грани. Кроме того, криминализация означает появление таких поведенческих актов, которые прежде лишь в единичных случаях фиксировались в нашей стране либо не отмечались вовсе. Речь идет, к примеру, о заказных убийствах, криминальных взрывах, захвате заложников, открытом терроре против тех представителей власти, которые не согласны жить по законам преступного мира. Криминализация на поведенческом уровне выражается и в ускоренной подготовке резерва преступного мира, что связывается нами со все большим вовлечением в антисоциальные действия молодежи, подростков, разрушением позитивных социализирующих возможностей общества", – подчеркивает В. В. Кривошеев [17].

Социальная anomia как следствие транзитивного состояния общества и дисфункции официальных институтов государства, прежде всего, связанных с обеспечением правопорядка, является объективной основой распространения криминального поведения и институционализации преступности [18]. С субъективной стороны большинство криминальных практик являются следствием утраты духовных ценностей и широкого распространения среди населения правового нигилизма, проявляющегося в специфическом отношении к преступности в целом как социальному явлению и к отдельным видам преступлений.

Аномию не без оснований рассматривают как основание институциональных деформаций в постсоветском обществе [19]. По мнению Б. В. Волженкина и В. В. Колесникова, в условиях, когда государство сознательно отстраняется от решения социальных проблем и население вынуждено жить в режиме самовывживания,

безнормность и девиантность поведения становятся типичным и повсеместным явлением, а общество в целом погружается в состояние аномии. Поиск самостоятельного (без помощи государства) решения своих материальных проблем приводит значительную часть населения в сферу теневой экономики. В этих условиях происходит ускоренная криминализация всех общественных отношений в экономической, политико-правовой, социальной, духовно-нравственной сферах, во всех "порах" жизнедеятельности общества, которая приобретает угрожающий характер безопасности личности, обществу и государству [20].

Проведенные украинскими социологами Е. И. Головахой и Н. В. Паниной опросы взрослого населения Украины показали, что более 80 % населения были подвержены состоянию аномической деморализованности [21]. "Моральные нормы человеческой порядочности и ответственности, регулирующие повседневное поведение людей, их взаимоотношения в различных ситуациях общения и деятельности, рассматриваются большинством взрослого населения Украины как нормы поведения "моральных аутсайдеров", тогда как большинство людей оцениваются как нечестные, безответственные, лживые и эгоистичные существа, готовые ради выгоды пренебречь моралью", – утверждает Е. М. Головаха. В 90-е годы, пишет автор, заметно повысился уровень социального цинизма как ненормативной реакции на аномию. Аномическая деморализация приводит к последовательному разрушению моральных основ регуляции социального поведения [22].

Выводы ученого достаточно пессимистичны. "Трудно надеяться и на то, что состояние тотальной аномии, спровоцированное постсоветской трансформацией, окажется недолговечным феноменом. Если за последнее десятилетие ничего не изменилось, то вполне можно ожидать массовой аномической деморализации и в весьма отдаленном будущем. Возможно, украинское общество явит миру пример, как можно неопределенно долго сохранять относительную социально-политическую стабильность в стране, где большинство населения деморализовано и "аморализовано", и посрамит мнение теоретиков, утверждающих, что неизбежен "нормативный взрыв", связанный с социальными потрясениями и авторитарным правлением. Но в этом случае неизбежен длительный конфликт между потребностью людей в авторитетном институте общественной морали и откровенным пренебрежением к нему со стороны "аморального большинства", – заключает Е. И. Головаха [22].

Криминологические исследования коррупции, теневой экономики, преступных злоупотреблений власти показывают, что точка зрения профессора Е. И. Головахи небезосновательна. Социальная аномия, деформация ценностей на индивидуальном и коллективном уровнях, откровенный правовой нигилизм, демонстрируемый должностными лицами и простыми гражданами, заставляют по-новому посмотреть на проблемы детерминации преступности в современном обществе и меры по её ограничению. Очевидно, что уголовно-правовые запреты не способны изменить ни социальный статус людей в обществе, ни отношение их к друг другу, ни систему коллективных ценностей. Власть, которая рассчитывает на всеислие карательных мер в противодействии преступности, обречена на неудачу, так как вся история развития человечества свидетельствует, что уровень преступности в отдельных странах и в мире в целом никаким образом не связан с ужесточением уголовных наказаний. Решение проблемы сдерживания преступности связано с формированием особого морального климата в обществе, в результате чего любое преступление в общественном сознании должно проявлять себя как антиценность. В противном случае следует признать, что Р. Мертон был прав, утверждая, что такие дисфункциональные явления, как преступность, деморализация, психические расстройства и т. п. оказываются по существу нормальными реакциями на ненормальную среду.

Литература:

1. См.: Мертон Р. К. Социальная структура и аномия / Р. К. Мертон // Социология преступности. Современные буржуазные теории: сборник статей: перевод с английского. – М.: Прогресс, 1966. – С. 299-313; Кох И. А. Социальная аномия и социальное управление / И. А. Кох // Известия Уральского государственного университета. – 2006. – № 42. – С. 62-71.
2. См. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / Э. Дюркгейм / Пер. с фр. с сокр. // Под ред. В. А. Базарова. – М.: Мысль, 1994. – 399 с.; Дюркгейм Э. Норма и патология / Э. Дюркгейм // Социология преступности (современные буржуазные теории): сборник статей под ред. проф. А. С. Никифорова. – М.: Прогресс, 1966. – С. 39-45. См. также: Кох И. А. Социальная аномия и социальное управление / И. А. Кох // Известия Уральского государственного университета. – 2006. – № 42. – С. 62-71.

3. Messner S. F. Crime and the American Dream / S. F. Messner, R. Rosenfeld. – Belmont, CA: Wadsworth Publishing Company, 1994; Messner S. F. Crime and the American Dream: An Institutional Analysis / S. F. Messner, R. Rosenfeld // *Advances in Criminological Theory*. – 1994. – № 6 (1). – P. 159 – 181.
4. См.: Messner S. F. An Institutional-Anomie Theory of the Social Distribution of Crime / S. F. Messner, R. Rosenfeld // *Contemporary Criminological Theory* / Edited by L. Siegel, P. Cordella. – Boston: Northeastern University Press, 1996. – P. 143 – 148; Messner S. F. Political Restraint of the Market and Levels of Criminal Homicide: A Cross-National Application of Institutional-Anomie Theory / S. F. Messner, R. Rosenfeld // *Social Forces*. – 1997. – № 75. – P. 1393 – 1416; Messner S. F. The Present and Future of Institutional-Anomie Theory / S. F. Messner, R. Rosenfeld // *Taking Stock: the Status of Criminological Theory*, *Advances in Criminological Theory*. – Vol. 15 / Edited by F. T. Cullen, J. P. Wright, and K. R. Blevins. – New Brunswick, NJ: Transaction, 2006. – P. 127 – 148.
5. Messner S. F. An Institutional-Anomie Theory of the Social Distribution of Crime / S. F. Messner, R. Rosenfeld // *Readings in Contemporary Criminological Theory*. – Ed. by Peter Cordella, Larry J. Siegel. – 1996. – Northeastern University Press, Boston. – P. 143 – 148.
6. Там же.
7. Там же.
8. Messner S. F. "Institutionalizing" Criminological Theory / S. F. Messner, R. Rosenfeld // *Advances in Criminological Theory*. – 2004. – № 13. – P. 83 – 105.
9. Chamlin M. Assessing Messner and Rosenfeld's Institutional Anomie Theory: A Partial Test / M. Chamlin, J. Cochran // *Criminology*. – 1995. – № 33. – P. 411 – 429; Piquero A. On Testing Institutional Anomie Theory with Varying Specifications / A. Piquero, N. L. Piquero / *Studies on Crime and Crime Prevention*. – 1998. – № 7. – P. 61 – 84.
10. Intriligator M. Privatization in Russia Has Led to Criminalization / M. Intriligator // *Australian Economic Review*. – 1994. – № 106. – P. 4 – 14; Passas N. Global anomie, dysnomie and economic crime: Hidden consequences of neoliberalism and globalization in Russia and around the world / N. Passas / *Social Justice*. – 2000. – № 27. – P. 16 – 44.
11. Кох И. А. Социальная аномия и социальное управление / И. А. Кох // *Известия Уральского государственного университета*. – 2006. – № 42. – С. 62-71.
12. Там же.

13. Ерасов Б. Глобальный хаос и криминал как продукт крушения цивилизационного устройства [Электронный ресурс] / Б. Ерасов. – Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/global/challenge/globalchaos/#end6>
14. Кривошеев В. В. Особенности аномии в современном российском обществе / В. В. Кривошеев // Социологические исследования. – 2004. – С. 92-95.
15. Кобцев Г. М. Современная государственная политика России по декриминализации общества : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Г. М. Кобцев. – Ростов-на-Дону, 2007.
16. Кривошеев В. В. Особенности аномии в современном российском обществе / В. В. Кривошеев // Социологические исследования. – № 3. – 2004. – С. 92 – 95; См. также: Кривошеев В. В. Социология криминализованного общества: Россия и девяностые годы XX века: монография. – Калининград: Изд-во Калинингр. ЮИ МВД России, 2003. – 160 с.
17. Там же. – С. 95.
18. См., например: Ерохина Л. Д. Социальная аномия современного российского общества // Гарантии прав человека в России: проблемы и решения: материалы международной научно-практической конференции "Социально-правовые аспекты защиты прав человека в Российской Федерации" 26 февраля 2008 г. – Владивосток: Изд-во ТГЭУ, 2008. – С. 25-45.
19. См., например: Гриценко С. А. Экономические преступления как институциональные девиации [Электронный ресурс] / С. А. Гриценко // Научные труды ДонНТУ. Серия: экономическая. Выпуск 31-3. Режим доступа: <http://www.donntu.edu.ua> "Библиотека" / "Информационные ресурсы".
20. Романенко М. В. Криминализм – "светлое" будущее России?! [Электронный ресурс] / М. В. Романенко // Ломоносовские чтения 2002 г. – Том № 1. Режим доступа: <http://lib.socio.msu.ru/1/library>
21. Головаха Е. И. Социальное безумие. История, теория и современная практика / Е. И. Головаха, Н. В. Панина. – К.: Абрис, 1994. – 168 с. – С. 100; Панина Н. В. Аномія у посткомуністичному суспільстві / Н. В. Панина // Політичний портрет України. – 1996. – № 17. – С. 46 – 52.
22. Головаха Е. И. Феномен "аморального большинства" в украинском обществе: постсоветская трансформация массовых представлений о нормах социального поведения / Е. И. Головаха // Україна – 2002. Моніторинг соціальних змін. – К.: Ін-т соціології НАНУ, 2002. – С. 460 – 468.